

Евгений Кононенко

Мечеть Шехзаде в Стамбуле: к реконструкции первоначального замысла

Статья посвящена стамбульской мечети Шехзаде (1543–1548) — одной из хрестоматийных работ выдающегося османского архитектора Синана. Появление этого здания традиционно связывается со смертью наследника Мехмеда, но существующая мечеть не соответствует сформировавшейся к XVI веку в османском зодчестве типологии погребального мемориала. Отдельные элементы композиции выдают изменение проекта уже в ходе строительства, что подтверждают ранее не привлекавшиеся для его изучения городские легенды и архивные документы. Реконструкции замысла и хронологии возведения мечети позволяют ответить на уже поставленные вопросы об особенностях архитектурного заказа Сулеймана Великолепного, уточнить значение этого памятника в османской планировке Стамбула и его место в творчестве Синана.

Ключевые слова:

исламская архитектура,
«большая османская мечеть», куллие,
Шехзаде-джами,
Синан, Стамбул, Сулеймание-джами.

Стамбульская мечеть Шехзаде (Шехзадебаша, Шехзаде Мехмед) — памятник хорошо известный: прекрасно опубликованный, включенный в учебные курсы, легко достижимый, доступный для осмотра. Достаточно сказать, что даже в отечественной историографии турецкого искусства, до недавнего времени представленной лишь обобщающей монографией Ю. А. Миллера, этому сооружению нашлось достойное место — упомянув, что авторству великого Синана принадлежат «81 соборная и 50 малых мечетей», исследователь оговорил: «Особенно прославил он свое имя в трех самых замечательных сооружениях. Мечети Шах-заде, Сулеймание и Селимие — это ступени развития таланта архитектора» [10, с. 29], и после краткого описания заключил: «Таковы три памятника, ярко характеризующие время, по справедливости называемое “золотым веком” османской архитектуры, и на многие десятилетия вперед определившие особенности типа турецких мечетей» [10, с. 33]. Т. Х. Стародуб, говоря о типологии исламской архитектуры, выделила «турецкую мечеть» в качестве одного из региональных вариантов культового сооружения и продемонстрировала особенности этого варианта на трех примерах, которыми оказались те же мечети Синана — Шехзаде, Сулеймание и Селимие [11, с. 227–254].

Традиционное рассмотрение именно этих трех памятников как вех творчества Синана базируется на восходящем к позднему биографическому источнику *Tezkiretül-Bünyân* утверждении, будто сам зодчий считал мечеть Шехзаде ученическим проектом, Сулеймание-джами — работой подмастерья, а Селимие в Эдирне — шедевром мастера [33, pp. 72, 123–124; 45, p. 107]. Безусловно, эту фразу можно считать своеобразным рекламным ходом — Синан оказался блестящим менеджером и еще при жизни смог превратить свое имя в бренд, в тени которого оказалось творчество целого ряда мастеров [4, с. 110–111]. Между тем все попытки ввести в фундаментальных «Историях османской архитектуры» какую-либо периодизацию творчества великого зодчего сводятся к определению рубежного места более поздней мечети Сулеймание:

Г. Гудвин завершил анализом стамбульского комплекса Сулеймана Великолепного главу об этапе становления Синана как архитектора (*The rise to greatness*), Д. Кубан отнес этот памятник уже к «апогею», считая предшествующую Шехзаде-джами постройкой, завершающей ранний период [21, pp. 196–239; 27, pp. 270–276].

А. Куран, создатель типологии архитектуры османской мечети, закончил свое исследование рассмотрением именно Шехзаде-джами, объявив ее «зенитом эволюции» культового зодчества и воплощением османского представления об идеальном здании [30, p. 211]. Главными новациями, определяющими ключевое место этого памятника в развитии архитектуры мечети, являются использование плана-квадрифолия и балдахинной системы. При этом более поздним постройкам Синана, отвечающим выделенному Кураном подтипу «мечетей, зал которых объединяет различные планировочные ячейки» (*multi-unit mosque with dissimilar units*) [30, pp. 160–198], места в работе не нашлось — несмотря на очевидные конструктивные достижения, принципиальных типологических новшеств в них А. Куран не увидел.

Однако особое место мечети Шехзаде в османском зодчестве, в топографии Стамбула и в творчестве Синана плохо согласуется с традиционно указываемой причиной для строительства, отраженной в названии памятника, — служить мемориалом *шехзаде* (сына правителя, престолонаследника). Несоответствие планировки, композиции, масштаба и градостроительного значения Шехзаде-джами уже сложившейся типологии «траурной мечети» заставляет усомниться в известном поводе для ее возведения и рассмотреть обстоятельства ее заказа и строительства. (Ил. 1.)

Появление комплекса Шехзаде в Стамбуле связывается со смертью Мехмеда — старшего сына Сулеймана I и Хюррем-султан. Вероятно, именно Мехмед рассматривался отцом как наиболее очевидный преемник на османском троне, о чем свидетельствует его назначение *санджак-беем* (военным губернатором) Манисы — древней столицы бейлика Сарухан, «второго двора», куда удалялись женщины из монаршей семьи и наместниками которой (прежде всего по причине близости к Стамбулу) обычно являлись наиболее «перспективные» сыновья султана [3, с. 421–423]; на этом посту Мехмед в 1541 году сменил своего старшего единокровного брата Мустафу (сына Сулеймана от наложницы Махидевран, скомпрометированного в глазах отца и переведенного в более удаленную Амасью), но 6 ноября 1543 года в возрасте 21 года (по другим

1. Шехзаде-джами, Стамбул (на переднем плане)
Аэрофотосъемка, вид с запада
Справа от мечети — гробница шехзаде Мехмеда. На дальнем плане — мечети Сулеймание (в центре) и Йени Валиде (справа)

данным — 22 лет) умер (по одной из версий — от оспы; предположения о насильственной смерти не выдвигались) [39, s. 174–189]. Тело Мехмеда было доставлено в Стамбул и захоронено около мечети Баязида II на Третьем холме, а позже перенесено в отдельное *тюрбе* (гробницу) за стеной киблы Шехзаде-джами; здесь же позже были похоронены дочь Мехмеда Хюмашах-султан, его младший брат *шехзаде* Джихангир и другие члены семьи султана, а также несколько высших чиновников (в том числе великий визирь и зять султана Рустем-паша¹) [20, p. 222].

Исходя из этих данных, построенная Синаном в 1543–1548 годах «мечеть принцев» правомерно рассматривается как династический некрополь. В недавней статье, специально посвященной «интерпретации» комплекса Шехзаде (правда, в градостроительном контексте), М. Озель однозначно определил его как «погребальный» (*funerary mosque complex*), посвященный памяти любимого наследника [37, р. 67].

К XVI веку в османском градостроении прочно закрепилась практика учреждения мемориальных комплексов-куллие [5, с. 133–148]. Эти благотворительные (*вакуфные*²) заведения выполняли целый ряд религиозных, образовательных, социальных функций, увековечивая память о своем основателе и оказываясь ядром необходимой инфраструктуры, распространяли свое название (обычно имя патрона) на окружающий квартал или целый район растущего города. Куллие Шехзаде полностью соответствовало более ранним аналогам в Бурсе, Эдирне и Стамбуле и традиционно включало мечеть, медресе, *имарет* (столовую), *табхана* (приют дервишей), *хан* (постоялый двор), больницу, кораническую школу и кладбище. Архитектурные и планировочные особенности построек комплекса нас интересовать не будут, поскольку именно им посвящена указанная статья М. Озеля [37]; хотя корпуса больницы и школы расположены за пределами огороженной территории (теменоса), такое решение не было новацией — например, здания в составе соседнего куллие Баязидие, не автономизированного от окружавшей застройки, возведены на значительном отдалении от самой мечети [38, pp. 198–199]. (Ил. 2.)

Между тем в раннеосманской культовой архитектуре сложилась устойчивая типология мечети в составе мемориального куллие — все здания этой группы представляют собой айванные купольные мечети «типа Бурсы», лишенные двора, — его роль отчасти была унаследована центральной планировочной ячейкой с окулюсом и фасадным портиком (*son cemaat yeri* — «место последней общины», т. е. опоздавших на коллективную молитву) [3, с. 268, 334–335; 30, pp. 71–136; 36, pp. 7–103].

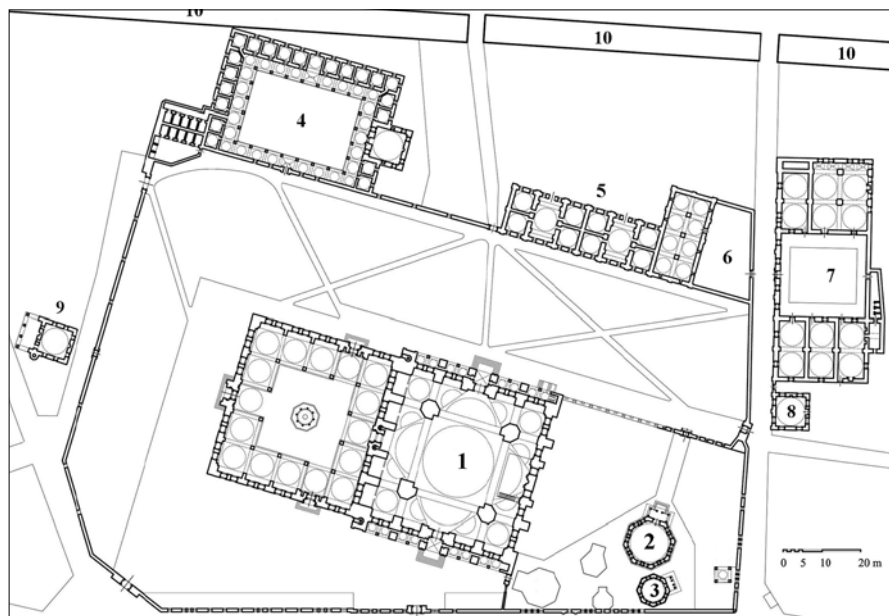
1 Супруга Рустема-паши — Михримак-султан, дочь Сулеймана I и Хюррем-султан, — похоронена рядом с родителями возле мечети Сулеймание, а не рядом с мужем и братьями Мехмедом и Джихангиром в некрополе Шехзаде.

2 *Вакф* (*вакуф*) — неотчуждаемое имущество (земли, постройки, учреждения), переданное на благотворительные цели. В исламе передача имущества по вакуфному договору (*вакфия*) расценивается как одно из наиболее богоугодных деяний и заслуга перед Аллахом, не прекращающаяся и после смерти учредившего вакф лица (*вакифа*) до тех пор, пока вакф служит оговоренным целям.

Параллельно развитию айванных мечетей с рубежа XIV–XV веков в османском зодчестве был возрожден другой тип культового здания, почти исчезнувший после падения султаната Сельджуков Рума, — *улу-джами*, «триумфальные» мечети, в которых путем мультипликации купольных ячеек создавались большие зальные пространства (Улу-джами в Бурсе, Эски-джами в Эдирне, Улу-джами в Аксарае) [7, с. 150–161; 8, с. 76–81; 30, pp. 148–159]. Развитие купольных конструкций, выделение центральных планировочных ячеек и «возвращение двора» в композицию саруханской Улу-джами в Манисе и османской Юч Шерефели-джами в Эдирне во многом предопределили появление нового типа культовых зданий, определяемого как «большая османская мечеть» [4, с. 103–108]. Это понятие охватывает немногочисленную группу памятников³, обладающих одинаковыми композиционными характеристиками: их ритуальное пространство разделено на центрально-купольный молитвенный зал и двор, окруженный купольными галереями, а пространственная доминанта определена, помимо масштаба, парными (как правило) минаретами. Именно такие памятники, прочно ассоциирующиеся с представлениями о «турецкой мечети» как региональном архитектурном типе, превратились в своеобразный визуальный бренд турецкой культуры [4, с. 92–94, 110–117; 6, с. 379–390; 11, с. 227]. Эволюция этого архитектурного типа локализуется в пределах османского «золотого века» — с середины XV по начало XVII века [4, с. 108–114; 10, с. 25–65] и связана прежде всего с прямым монаршим заказом, в результате чего соответствующие ей памятники увековечили имя царственных патронов (мечети Мехмеда II Фатиха, Баязида II, Сулеймана I, Селима II, Ахмеда I) и что дает основания характеризовать подобные здания как мечети «государственные», «султанские», «имперские» [4, с. 92; 14, pp. 320–345; 19, р. 82; 45, р. 108].

Наличие двора в композиции рассматриваемой Шехзаде-джами выводит этот памятник за пределы типа «погребальных» мемориалов. В других мечетях, построенных Синаном от имени членов монаршей семьи, дворы отсутствуют: их заменяют фасадные портики для «последней общины»⁴. Главное здание куллие Шехзаде, имеющее центрально-купольный объем с двумя минаретами и двором, полностью соответствует типу «большой османской мечети», в то время

3 За период с середины XV по конец XVIII века в Стамбуле и Эдирне были построены лишь 13 зданий, полностью соответствующих выделенным критериям «большой османской мечети».

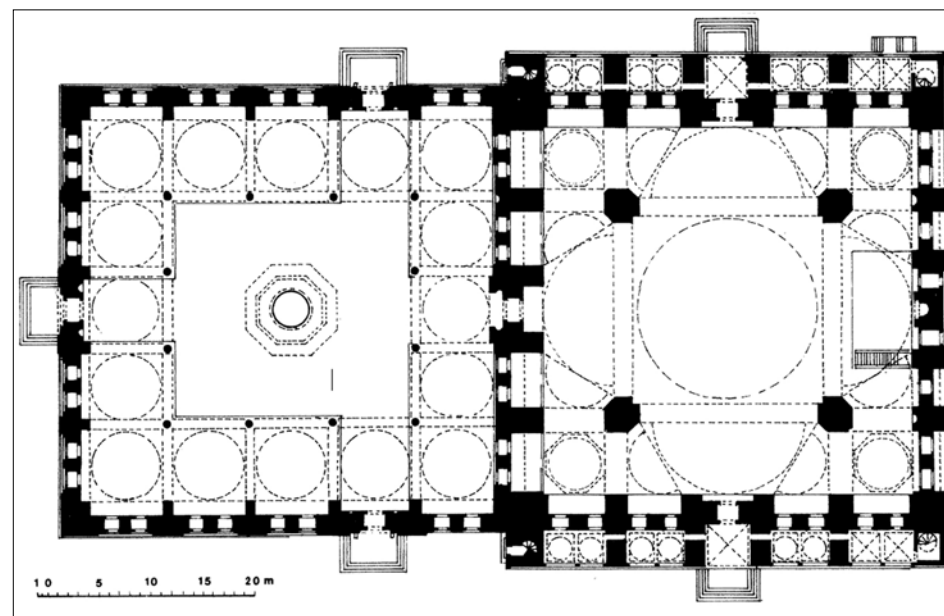
2. Куллие Шехзаде. План (по Гудвину [21]).

1 — мечеть; 2 — гробница шехзаде Мехмеда; 3 — гробница Рустема-паши; 4 — медресе; 5 — табхана (приют дервишей); 6 — караван-сарай; 7 — имарет (столовая); 8 — мектеб (кораническая школа); 9 — мечеть Сарачхане; 10 — фрагменты акведука Валента

как отсылка к «принцам» (одному или нескольким) в названии комплекса и подразумеваемое «погребальное» значение противоречат «триумфальным» коннотациям, связываемым с этим архитектурным типом. Но и в эволюционном ряду «больших османских мечетей» Шехзаде-джами занимает особое место. (Ил. 3.)

В полном объеме композиция «большой османской мечети» сложилась в архитектуре Стамбула, и одним из важнейших факторов ее формирования стало «соревнование возможностей» с храмом Св. Софии

4 Двор перед мечетью Михримак-султан у Эдирнекапы (1562–1565), намного превышающий по ширине саму мечеть и обнесенный купольными галереями, отделен от 7-пролетного фасадного портика и должен восприниматься как внутреннее пространство П-образно спланированного медресе, тем более что проход в мечеть по михрабной оси

3. Шехзаде-джами. План (по Гудвину [21])

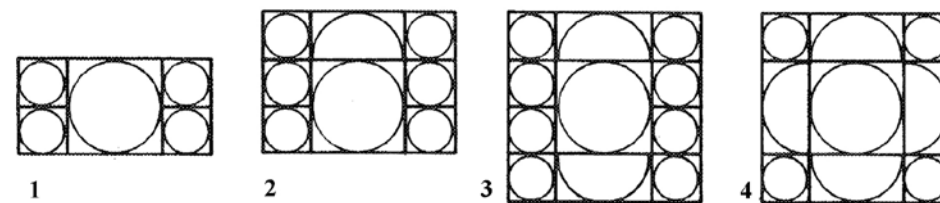
[13, с. 332–349; 24, р. 211; 27, pp. 173–175]. Аспекты этого состязания — как архитектурные, так и идеологические — нас интересовать не будут, но уже в первой султанской мечети новой столицы, Фатих-джами (1463–1470), был использован полукупол, не только поддерживавший центральный купол по михрабной оси, но и позволивший объединить модульные ячейки вдоль стены киблы и в полтора раза увеличить пространство центрального нефа [20, pp. 112–119; 30, pp. 192–193]. Следующий логичный шаг был сделан через три десятилетия в Баязид-джами (1500–1506),

через двор невозможен. Этот же прием «отделения» двора медресе или коранической школы от фасадного портика применен Синаном в стамбульских «чиновничьих» мечетях Синан-паша в Бешикташ (1555) и Соколлу Мехмед-паша в Кадырга (1572). Подробнее см.: [42, с. 43–53; 43, pp. 189–195].

где на михрабной оси возник второй полукупол — таким образом османский архитектор не только увеличил симметрию плана и интерьера и расширил пространство молитвенного зала, но и воспроизвел (хотя и в значительно меньшем масштабе) конструкцию центрального нефа Айя-Софии [10, с. 28; 21, pp. 167–174; 27, pp. 177–180].

После Баязид-джами сама логика развития архитектурной формы предполагала появление в интерьере мечети второй оси симметрии, объединение полукуполами центральных ячеек боковых нефов и опору центрального купола на четыре полукупола, — то есть возникновение планировочного квадрифолия, который и был использован Синаном в мечети Шехзаде; не случайно А. Куран охарактеризовал это сооружение как финальную стадию развития типологии улу-джами [30, р. 211]. Правда, к тому времени небольшие мечети с четырьмя полукуполами уже существовали в зодчестве Восточной Анатолии [26, pp. 110–116], но несомненным достижением Синана стало использование этой композиции зала в «большой османской мечети». Несмотря на то что Синаном же были предложены и другие векторы развития этого типа зданий (нефный зал в Сулеймание и октагон в эдирнской Селимие), именно осевые полукупола Шехзаде стали образцом для огромных мечетей и Стамбула (Султанахмет, Йени, Нуросмание, Лалели, восстановленная Фатих), и многих других городов (Каир, Анкара, Адана, Ашхабад, Грозный) вплоть до XXI века [4, с. 112–116]. (Ил. 4.)

В ряду «больших османских мечетей» Шехзаде-джами продолжила также заложенную еще Мехмедом II Фатихом (Завоевателем) традицию «замещения» султанскими куллие византийских памятников в топографии Стамбула. Мечеть Фатих была основана на вершине Четвертого холма, на гребне водораздела Мраморного моря и Золотого Рога на месте разрушенной османами церкви Св. Апостолов — второго по значению (после Св. Софии) храма Константинополя, служившего династическим некрополем, и подобный акт зримо отражал преемственность власти [15, pp. 393–413; 24, р. 211]. Местом для возведения мечети Баязида II выбран Третий холм, где некогда находился Форум Феодосия, постройки которого стали источником спойлий для османского комплекса [2, с. 265–268; 27, pp. 200–201]. В 1520 году куллие Селима I Явуза было заложено на обращенном к Золотому Рогу склоне Пятого холма на руинах римской цистерны, использованных в качестве субструкций, а купол и два минарета обеспечили архитектурное доминирование мечети над церквями греческого квартала Фенер

4. Эволюция композиции полукуполов в «больших османских мечетях»: 1 — Юч Шерефели, Эдирне; 2 — Фатих, Стамбул; 3 — Баязид, Стамбул; 4 — Шехзаде, Стамбул (по Кубану [28])

и находившейся в монастыре Паммакарistos резиденцией патриарха [20, р. 191; 27, pp. 231–233].

Участок на Третьем холме, предназначенный для строительства комплекса Шехзаде, с севера ограничен акведуком Валента (IV в.), а в северо-восточной его части располагается мечеть Календерхане — комниновская церковь Богородицы Кириотиссы (XII в.), в свою очередь, возведенная на месте римских терм [32, pp. 227–230]. Новая «большая османская мечеть» демонстративно включалась в антично-византийский контекст Константинополя и превращалась в мусульманскую доминанту существовавшей застройки. Кроме того, для строительства была снесена часть старых янычарских казарм, и это свидетельствует как о приоритетности нового проекта, так и о готовности властей к перепланировке уже османских кварталов столицы [34, р. 193].

Из сказанного следует, что учреждение куллие Шехзаде, подобно предшествующим султанским комплексам, являлось как очередным риторическим актом «замещения святынь», так и важным градостроительным проектом. Новое куллие оказывалось на линии водораздела и дополняло отчетливую цепочку знаковых османских памятников (куллие Баязид — Шехзаде — Фатих — Селим Явуз — Эйюп), спускающуюся к Золотому Рогу и формирующую новую линию горизонта столицы. (Ил. 5.) На Третьем холме помимо Баязид-джами находился и Старый дворец (*Eski Saray*), до завершения комплекса Топкапы являвшийся основной резиденцией султана, и появление в этом районе любого крупного сооружения (тем более потребовавшего переноса казарм янычар) являлось следствием программного решения [11, с. 243; 29, pp. 67–68].

5. Большие мечети на плане Стамбула (в порядке строительства): 1 — Айя-София; 2 — Эйюп; 3 — Фатих; 4 — Баязид; 5 — Селим Явуз; 6 — Шехзаде (за основу взят план Ф. Кауффера и И. Лешевалье, 1807)

Необходимо обратить внимание на непосредственную предшественницу Шехзаде-джами в ряду «больших османских мечетей» — мечеть Селима Явуза. Она была заложена в 1520-м — году смерти султана Селима I, и вопрос, был ли акт основания нового куллии прижизненным или уже посмертным, остается открытым, но в любом случае все строительные работы велись уже в царствование Сулеймана Великолепного, проявившего себя почтительным сыном, чтящим память отца [21, p. 184; 27, pp. 231–233]. Царствование Селима I, вдвое увеличившего территории Османской империи и сделавшего Стамбул новой столицей халифата, дало достаточно поводов для строительства улу-джами, и здание мечети полностью соответствует типу «триумфальных» построек (центрально-купольный зал, окруженный купольными галереями двор, парные минареты); но архитектор Селим Явуз-джами отказался от развития новаций, достигнутых за полтора десятилетия до этого в мечети Баязид,

и предпочел компромиссную сдержанность, оттачивая уже готовые архитектурные решения. Именно это рафинирование осевой композиции, геометрическая четкость форм, «дерзкая безупречность» конструкции вызвали в 1911 году восхищение Ле Корбюзье, и после столь яркого впечатления Шехзаде-джами показалась архитектору «причудливой» [9, с. 51–53]. Между тем Селим Явуз-джами должна быть оценена как своеобразная «нуклеарная» стамбульская «большая османская мечеть», соответствующая типу и связанному с ним значению, выполняющая мемориальную функцию, демонстрирующая сыновнее почтение, — и не более.

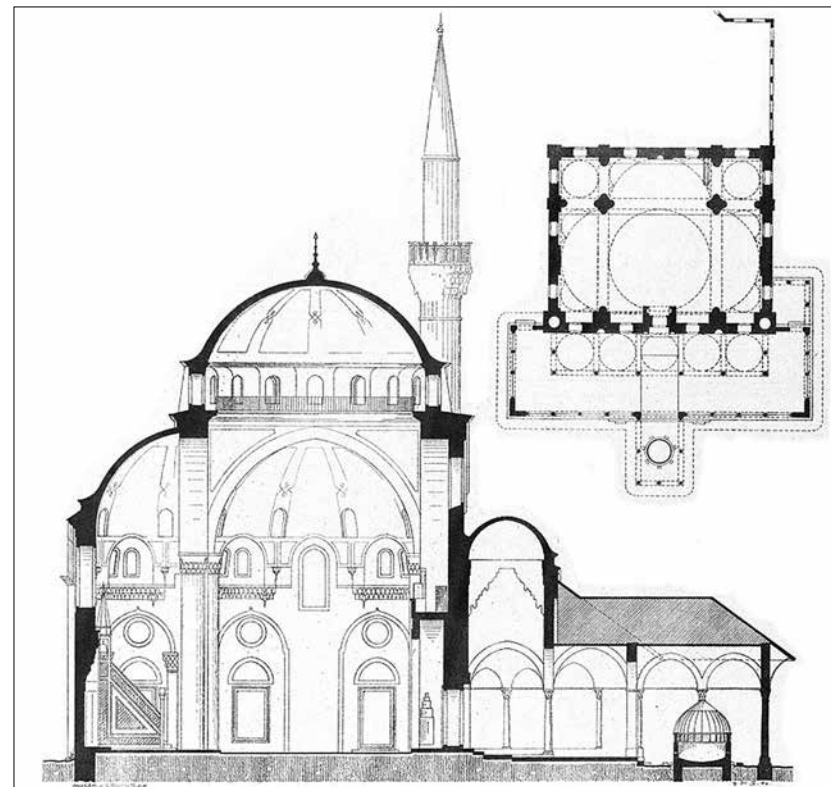
Очевидно, что в интересующей нас Шехзаде-джами реализовывались совершенно иные задачи — продолжение поиска новой архитектурной формы, двухосевой симметрии и конструкции четырех полукуполов, не достигнутой византийскими мастерами. К началу работ на этом объекте Синан, уже прославившийся смелыми экспериментами, лишь пять лет выполнял обязанности главного архитектора (*Hassa başmimarı*), столь крупных и значимых проектов, как куллии Шехзаде, в его послужном списке не было, и для султанского заказа мемориальной мечети выбор исполнителя был связан с определенным риском.

Как уже было сказано, архитектурные новации синановской Шехзаде вполне ожидаемы и предопределены развитием «большой османской мечети». На заре интереса европейской науки к творчеству Синана У. Фогт-Гёкнил даже сочла «мечеть принцев» «двухосевым вариантом» Св. Софии и описывала этот памятник как простое совмещение двух моделей византийского храма [46, s. 38]. Тем не менее кажущиеся «простота», «ожидаемость» и «предопределенность» перед воплощением в материал потребовали от османского мастера подготовки, в качестве которой следует рассматривать строительство от имени Михримак-султан (дочери Сулеймана I и супруги великого визиря Рустема-паши) мечети, известной как Искеле-джами («мечеть на причале») в Ускударе на азиатском берегу Босфора [21, pp. 212–214; 31, s. 43–72]. Эта постройка не является «большой османской мечетью» (из-за отсутствия двора), что указывает на частный характер заказа. Ее молитвенный зал перекрыт куполом диаметром 11,4 м; но этот купол поддерживается тремя осевыми полукуполом (в люнете северной подпружной арки купола размещены два регистра световых проемов, а функцию контрфорсов выполняют пилоны входного портала и фасадный портик. (Ил. 6–7.)

6–7. Михримих Султан-джами (Искеле-джами), Уськудар
Фото 1921 года; план и разрез
(по Гурлитту [23])

Из-за довольно скромных для османской архитектуры XVI века размеров и использования планировочного триконха Искеле-джами может показаться своего рода «пробой сил» Синана, уменьшенной и упрощенной моделью для важного султанского заказа, — если бы возведение Шехзаде-джами и мечети в Уськударе не велось параллельно; более того — если начало работ на Третьем холме датируется 1543 годом, то мечеть на азиатском берегу строилась в 1546–1548 годах. Очевидно, что во второй половине 1540-х годов Синан оказался увлечен конструкциями опорных полукуполов, развивавших потенции мечетей

Фатих и Баязид, и одновременно реализовал варианты и трифолия, и квадрифолия, создавая крестообразное центрическое пространство, понимание которого полностью совпало с ренессансными поисками идеального храма [21, pp. 216–218; 27, pp. 271–272; 34, pp. 90–94]. Но если к другим архитектурным идеям (вариантам планировки, конструкциям, композициям, декорациям) Синан в течение своей долгой творческой жизни возвращался снова и снова, то конструктивные и композиционные возможности трифолиев и квадрифолиев были сочтены им исчерпанными, — после 1540-х годов архитектор уже не обращался

к подобным композициям, предоставив развитие мечети-квадрифолия своим последователям [26, р. 118].

Можно не останавливаться подробно на конструктивных новшествах Шехзаде (осевой планировке всего куллие, изменении модульной сетки плана мечети, балдахинной системе, пропорциям интерьера, поперечной оси боковых проходов в зал, организации естественного освещения, визуальных эффектах), поскольку эти характеристики достаточно освещены в литературе [12, с. 116–119; 21, pp. 207–212; 22, pp. 350–351; 26, р. 110; 37, pp. 70–71]. Однако необходимо обратить внимание на угловые устои центрального объема мечети.

Разработанная Синаном и, видимо, впервые примененная именно в Шехзаде-джами балдахинная система основана на последовательном уменьшении размеров купольных перекрытий (центральный купол — полукупола — экседры — купола угловых ячеек), увеличении опорных столбов по диагоналям плана (что позволило сузить угловые ячейки, перенаправляя распор купола к углам интерьера) и введении контрфорсов, «замаскированных» снаружи боковыми галереями, а в интерьере — порталами входов. Понятно, что такой конструктивный каркас огромного здания не может нести криволинейные перекрытия без особого усиления углов нижней части объема — здесь сходятся продольные, поперечные и (в отличие от многих других конструкций) диагональные напряжения. Синан не только включил усиленные угловые устои в боковые галереи, но и использовал их северную пару как основания минаретов — если в предшествующих «больших османских мечетях» Баязида II и Селима I парные башни были отодвинуты от основного объема дополнительными блоками помещений-*табхана* (комнат для дервишей) и фиксировали огромные площади, захваченные зданиями в застройке, то в Шехзаде-джами минареты оказались прижаты к телу мечети на границе двора и молитвенного зала, подчеркивая прежде всего вертикальную доминанту и пирамидальность многокупольного объема. Четырехгранные призмы оснований минаретов не выступают за пределы плоскости фасадов, объединены с галереями фестончатым карнизом и оформлены перспективными рамами, воспроизводящими очертания арок портика; очевидно, эти грани должны восприниматься как еще одна — заложенная — ячейка галереи. Тем самым Синан превратил основания минаретов из дополнительных объемов, пристроенных к телу здания, каковыми они были в предшествовавших «больших османских мечетях», в неотъемлемую

часть единого пирамидального объема Шехзаде-джами, лишив постройку каких-либо выступающих за пределы общего цоколя элементов, кроме лестничных маршей. (Ил. 3.)

Однако нас интересуют парные основания минаретов выступы-контрфорсы с южной стороны, противоположной двору, в которые упираются южные секции боковых галерей. Их фасадные грани оформлены четырехугольными рамами, напоминая декорацию внешних торцов контрфорсов между парными арками галерей; увенчаны эти выступы не куполами, как ячейки галерей, а сомкнутыми сводами, — очевидно, их и не пытались выдать за ячейки портика. В южных торцах галерей⁵ можно заметить дверные проемы, ведущие в некие помещения, скрытые в выступах контрфорсов, но размер каждого из таких помещений, учитывая толщину стен, должен быть ничтожно малым — не более 2 × 1,5 м; никаких окон и световых проемов ни снаружи, ни из интерьера мечети выступы не имеют. (Ил. 8.)

На целом ряде опубликованных в различных изданиях планов мечети Шехзаде крошечные камеры внутри ее южных устоев либо изображаются пустыми, либо ретушируются, «сливаясь» с массой контрфорсов [34, р. 17; 37, р. 68; 38, р. 199]. Между тем на плане, опубликованном еще в 1912 году Корнелиусом Гурлиттом, а позже воспроизведенном А. Кураном и Г. Гудвином [23, fig. 18a; 21, р. 207; 30, pp. 197, 217], в помещениях южных угловых контрфорсов изображены винтовые лестницы, аналогичные лестницам минаретов в северных угловых выступах. (Ил. 3.) Более чем вероятно, что скрытые в контрфорсах узкие вертикальные помещения, имеющие отдельные входы и лишенные естественного освещения, служили лестничными башнями, однако эти лестницы никуда не ведут и упираются в «затычки» сомкнутых сводов.

Логично предположить, что первоначальный вариант мечети, заложенной на Третьем холме, подразумевал наличие четырех минаретов, фиксировавших углы купольного объема, и такая композиция еще больше подчеркивала бы центричность и симметричность молитвенного зала; но в какой-то момент уже в процессе строительства

5 Южная секция восточной галереи позже была изолирована высокой каменной решеткой и получила собственный вход с небольшой площадкой, но ведущие на нее лестничные марши расположены не П-образно, как перед порталными проходами в мечеть, а параллельно цоколю. В этой секции расположена лестница, ведущая на поздний *эмир-мафил* («царскую ложу») в юго-восточном углу интерьера. На фотографиях начала XX века видно, что и ограда секции, и подъем на *эмир-мафил* выглядели иначе.

8. Шехзаде-джами. Вид на юго-западный угловой устой (за колонной южной секции видна дверь в лестничную башню)
Фото автора. 2010

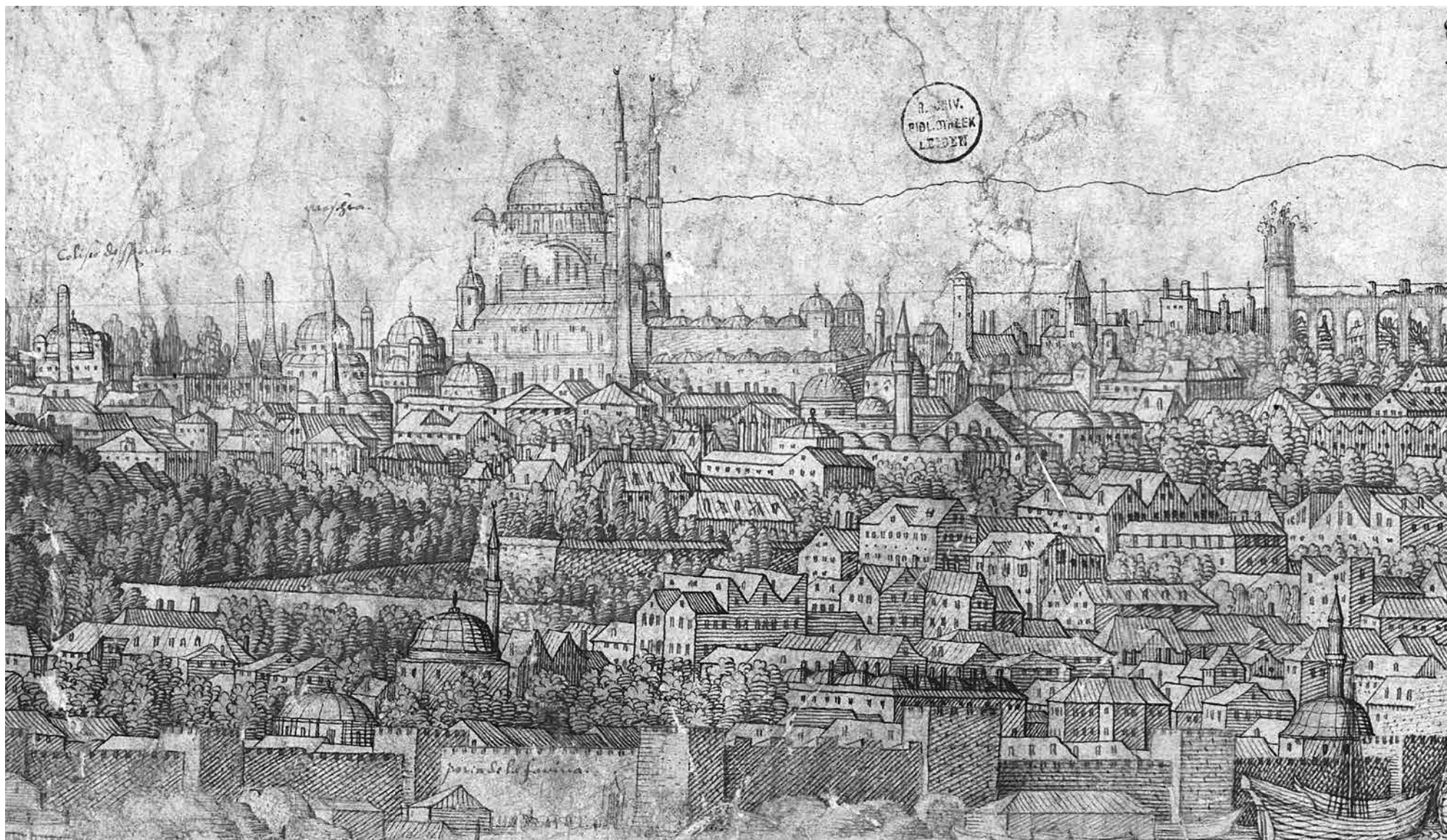
от такой композиции пришлось отказаться, а лестничные башни получили завершение в виде лотковых сводов. Необходимо добавить, что до того момента среди стамбульских мечетей не было ни одной, имевшей четыре минарета, — лишь в Юч Шерефели-джами в Эдирне существовали башни, фиксировавшие все углы двора, и в новой османской столице такая же постановка минаретов будет воспроизведена Синаном в Сулеймание-джами, хронологически следующей за мечетью Шехзаде. Композиционный замысел расположения минаретов по углам основного объема будет реализован тем же Синаном только спустя четверть века в эдирнской Селимие.

Таким образом, первоначальный замысел Шехзаде-джами подразумевал появление в непосредственной близости от султанского дворца «большой османской мечети», развивавшей конструктивные достижения предшествующих памятников этого же типа, но совершенно необычной по композиции. Размеры этой мечети лишь немногим уступают Баязид-джами, но расположение нового здания на плато Третьего холма на линии водораздела и четыре минарета, которые должны были фланкировать купол, обеспечивали бы постройке явную доминанту в панораме города между «двухминаретными» комплексами Мехмеда Фатиха и Баязида II; это подтверждает знаменитая гравюра Мельхиора Лорка, демонстрирующая вид на не заслоняемое другими постройками куллие Шехзаде и акведук Валента со стороны Перы. (Ил. 9.)

Нельзя сказать, что несоответствия между архитектурой мечети Шехзаде и функцией некрополя остались незамеченными исследователями османского зодчества. Например, Г. Гудвин оказался «смущен» появлением парных минаретов, но пытался объяснить этот факт тем, что, хотя постройка посвящена памяти шехзаде Мехмеда, она являлась султанской мечетью [21, pp. 209, 215]. Между тем архитектурные типы «султанской» (т. е. «большой османской мечети») и «посвятительной» (т. е. погребальной или траурно-мемориальной) культовых построек в османском зодчестве четко различались.

Потребовалось более 30 лет⁶, чтобы Д. Кубан задался вопросом: почему мечеть, заказанная Сулейманом I в память одного из сыновей, гораздо больше и внушительнее, чем Селим Явуз-джами, построенная в память

6 Исходя из того что первое издание «Истории османской архитектуры» Гудвина появилось в 1971 году, а монография Д. Кубана «Османская архитектура» вышла на турецком языке в 2007 году.

9. Мельхиор Лорк. *Панорама Стамбула*. 1559
Фрагмент с мечетью Шехзаде
Библиотека Лейденского университета

отца? И, опираясь на выбор особо значимого места в топографии Стамбула, оговорил: «Я глубоко убежден, что мечеть Шехзаде и ее комплекс изначально предназначались для Сулеймана...» [27, р. 270]. Правда, в издание монографии Д. Кубана вкралась досадная «опечатка» — смерть шехзаде Мехмеда оказалась датирована ноябрем 1542 года, а распоряжение о закладке мечети — июнем 1543 года: читатель, незнакомый с хронологией событий, должен прийти к убеждению, что идея строительства мечети возникла у султана уже после смерти наследника, что, однако, не объясняет «странностей» Шехзаде-джами. Между тем еще Эрнст Эгли, автор одной из первых европейских монографий о Синане⁷, указывал, что строительство Шехзаде-джами началось за несколько месяцев до смерти наследника Мехмеда в Манисе [16, р. 489].

В малоизвестном сборнике Фридриха Шрадера⁸ приведена городская легенда, никогда не привлекавшаяся исследователями османской архитектуры. Без указания на каких-либо информаторов Шрадер писал, что султан Сулейман остался разочарован размерами построенной в Стамбуле мечети и подарил ее наследнику Мехмеду, но тот имел неосторожность сказать, что рассчитывал на отцовский трон, а не на мечеть, и оскорбленный султан прислал палача, отрубившего голову Мехмеду, а заодно и шехзаде Джихангиру — поэтому принцы и похоронены вместе возле этой злополучной мечети [44, s. 87–88]. Несоответствие странной легенды, записанной более ста лет назад, историческим фактам (казнь Мехмеда, одновременная гибель Джихангира) очевидно, однако в ней четко оговорено, что мечеть Шехзаде строилась султаном Сулейманом для себя и была отдана наследнику, который рядом с ней похоронен.

Крайне важно обратить внимание на материалы, относящиеся к учреждению вакфа, обслуживавшего куллие Шехзаде. Публикация и анализ архивных документов лишь недавно были предприняты Ю. Сагиром; правда, исследователя интересовала прежде всего экономическая деятельность вакуфного фонда⁹. Для нас же важно то, что акт

учреждения вакфа составлен только в июне 1546 года и зарегистрирован стамбульским *кади* (судьей) Махмудом ибн Ахмедом в феврале 1547 года [40, s. 923]. Оговорим, что дата учреждения вакфа никак не связана с архитектурным процессом — этот акт мог как предшествовать строительству *куллие*, так и приурочиваться к завершению определенного этапа работ, и должен восприниматься лишь как «свидетельство о регистрации юридического лица» (каковым и являлся вакуфный фонд); но этим актом фиксировалось официальное название объекта, в отношении которого производилось отчуждение имущества.

Таким образом, «большая османская мечеть», строившаяся в знакомом месте Стамбула по программному заказу султана и по необычному симметричному плану в виде квадрифолия, получила «посвящение принцу» только в середине 1546 года — через три года после начала строительства. Д. Кубан, оговаривая исключительно собственную догадку, указал при описании гробницы шехзаде Мехмеда: «Сулейман Великолепный похоронил горячо любимого сына в саду *собственного* комплекса» [27, р. 273] (курсив мой. — Е. К.). Очевидно, до момента переноса останков Мехмеда с кладбища мечети Баязида II и учреждения вакфа для финансирования куллие Шехзаде строительство новой мечети продолжалось по ранее разработанному Синаном плану. Изменение «статуса» постройки (с «султанской» на «принцеву») сопровождалось упрощением композиции — основания четырех минаретов в углах основного объема новой мечети уже были завершены, но южная пара оснований оказалась «законсервирована», а скрытые в них винтовые лестницы были попросту закрыты сомкнутыми сводами. Что получилось — можно видеть в историческом центре Стамбула. Как это могло выглядеть — можно попытаться представить, глядя на Селимие-джами в Эдирне, где через два с половиной десятилетия Синан все-таки окружил центральный купол (правда, более чем в полтора раза большего диаметра) четырьмя минаретами. (Ил. 10.)

7 Эгли Эрнст Арнольд (1893–1974) — австрийско-швейцарский архитектор, в 1927–1949 годах работал в Турции, параллельно с реализацией собственных проектов изучал османские памятники; в 1954 году в Швейцарии издал монографию о Синане [17].

8 Шрадер Фридрих (1865–1922) — немецкий журналист социалистических взглядов, работавший в турецкой редакции *Ostmanischer Lloyd*; в 1917–1918 годах служил в Стамбуле в муниципальной комиссии по учету исторических памятников. В 1917 году в Тюбингене опубликовал книгу «Константинополь: прошлое и настоящее» [44] — сборник рассказов, слухов, городских легенд; книга осталась практически незамеченной и лишь в 2015 году была переиздана на турецком языке.

9 Проанализированные Ю. Сагиром документы четко фиксируют объекты недвижимости, с которых фонд получал доход, регламентируют подбор персонала и устанавливают содержание, выплачивавшееся 349 (!) «сотрудникам» куллие (имамам мечети, чтецам Корана, преподавателям, библиотекарям, поварам, кладовщикам, водоносам, уборщикам, сторожам и т. д., а также юристам и аудиторам, обслуживавшим вакф), определяют расписание чтения молитв в гробнице, приоритеты учебной программы медресе и комплектацию библиотеки, питание работников, учеников и постояльцев, а также устанавливают суммы на приобретение масла для светильников и порядок замены изношенных молитвенных ковриков [40, s. 924–936].

Однако, говоря о замысле возводимой в столице с 1543 года «большой османской мечети», — программной и по избранному месту, и по совершенству композиции, и по сложности конструкции, потребовавшей разработки балдахинной системы и исчерпания темы полукуполов, — следует задаться вопросом: что же за мечеть строил Синан около трех лет? Какое название должен был носить памятник, только с 1546 года известный как Шехзаде-джами?

Если Д. Кубан считал достаточным высказать гипотезу, что мечеть Шехзаде изначально предназначалась для Сулеймана I [27, р. 270], то, исходя из всего сказанного, приходится сделать следующий шаг и предположить, что памятником, «низведенным» до «статуса» шехзаде, была *мечеть Сулеймание*. Это предположение объясняет и особое место Шехзаде-джами в сакральной топографии и панораме Стамбула, и ее планировочные, композиционные, конструктивные новации, и не слишком удачные попытки достичь компромисса между типами «погребальной» и «триумфальной» мечети. Это же предположение позволяет ответить на вопрос, которым уже задавались исследователи османской архитектуры: почему Сулейман Великолепный, с которым прочно ассоциируется представление о «великолепном веке» Османской империи, так поздно — только через 30 лет после восшествия на престол, — приступил к строительству «именной» мечети, под которой подразумевается *ныне существующая* Сулеймание-джами [21, рр. 206–207; 27, р. 277]. Д. Кубан, подчеркивая, что ни один османский султан не ждал так долго закладки «своей» мечети, проигнорировал им же высказанное предположение о том, что Сулейман уже начинал строить собственный мемориал [27, р. 277]. Между тем к началу 1540-х годов у султана и халифа было достаточно поводов для возведения триумфальной *улу-джами* — победы над испанцами и венецианцами, покорение островов Эгейского моря, взятие Родоса, Тебриза, Багдада, разгром венгров при Мохаче, подчинение Боснии, Герцеговины, Молдавии, княжеств Персидского залива; даже походы на Вену (1529) и к берегам Гуджарата (1538), несмотря на военные неудачи, могли быть поданы как успехи османского оружия [1, с. 59–120], а известие о смерти сына омрачило победоносное возвращение султана из очередного похода на Балканы.

Очевидно, последовательность событий надо представлять следующим образом: летом (в июне?) 1543 года ведомство главного архитектора получило заказ на строительство нового стамбульского *куллие* Сулеймание (?), для которого было выбрано место вблизи Старого дворца

10. Селимие-джами, Эдирне
Вид с запада. Фото автора. 2018

на почти одинаковом расстоянии от комплексов Мехмеда II и Баязида II. В своем первом проекте полноценной «большой османской мечети» Синан продолжил уже начатый его предшественниками эксперимент по созданию идеально симметричной композиции полукуполов, основанной на плане-квадрифолии, с четырьмя минаретами по углам зала. Вероятно, строительные работы начались в 1544 году — именно эта дата (951 г. х.) указана в персоязычной надписи над центральным входом, но какой именно момент избран точкой отсчета (закладка фундамента, выравнивание стилобата, возведение стен) — неизвестно; надпись на фарси над входом в гробницу Мехмеда, содержащая дату «950 год хиджры» (апрель 1543 — март 1544) и на этом основании якобы позволяющая считать октагональную купольную гробницу самым ранним сооружением комплекса, очевидно, имеет отношение не к постройке, а к траурному событию, ставшему причиной ее возведения [20, р. 226;

27, р. 273; 34, р. 193]. В 1546 году Синан начал работы в Ускудаге, где была заложена небольшая Искеле-джами с планом-трифолием и тремя полукуполоми, выглядящая как «проба сил» архитектора перед возведением четырех полукуполов в строящейся султанской мечети. А в июне 1546 года учрежден вакф, содержащий название «куллие Шехзаде» и свидетельствующий о снижении статуса постройки на Третьем холме... После этого два южных минарета оказались не нужны, уже построенные лестничные башни были «законсервированы», но окруженный купольными галереями двор, не соответствующий типологии «погребальной» мечети, сохранен.

Впрочем, типологическое соответствие вряд ли заботило и Сулеймана, и Синана, — и один и другой могли позволить себе отступление от традиции. Важнее, что из-за смерти наследника мечеть Сулеймание в 1540-х годах в османской столице так и не появилась. Она появится спустя почти 10 лет, к 1557 году, причем на том же Третьем холме, для чего потребовалось лишить территорию Старого дворца части садов и нарастить плато над довольно крутым северным склоном с помощью платформы, внутри которой расположены торговые лавки и склады [18, pp. 27–30; 21, pp. 215–224; 29, pp. 62–67]. Такая постановка новой огромной мечети¹⁰ гарантировала доминанту здания в панораме Стамбула, — со стороны Залива и Галаты объем Сулеймание попросту заслоняет более ранние мечети (в том числе Шехзаде-джами), а при взгляде со стороны Мраморного моря — поглощает меньшие здания, становясь для них фоном. (Ил. 1.)

Важно отметить два обстоятельства: во-первых, возведение новой мечети было предпринято всего через два года после завершения Шехзаде-джами, хотя некоторые исследования датируют начало работ 1548 годом, вообще не предполагая перерыва между завершением мечетей Шехзаде и Искеле и строительством Сулеймание-джами [41, pp. 398–399]. Во-вторых, в новой «большой османской мечети» Синан отказался от развития квадрифолия полукуполов и предпочел вернуться к той же, что и для Шехзаде-джами (т. е. для «первой Сулеймание»), отправной точке — композиции мечети Баязида II, посылно — насколько позволяли возможности полувековой давности — воспроизводившей

образ Аия-Софии¹¹. Очередное обращение к брутальной конструкции, консервативному делению пространства на нефы и хорошо усвоенным архитектурным темам великого византийского храма более зримо соответствовало амбициям султана Сулеймана, нежели «простоватая» идеальная двухосевая симметрия нерасчлененного интерьера-квадрифолия [13, с. 325].

Реализованный в Сулеймание-джами замысел имеет несколько уровней прочтения, и нет необходимости здесь на них останавливаться [13, с. 326–350]; не исключено, однако, что замысел этот возник не к 1550 году, а несколько раньше, еще в середине 1540-х годов. Можно предположить, что, начав строить «первую Сулеймание», султан охладел к идее увековечить свое имя лишь очередной «большой османской мечетью», — ему понадобилось сооружение иного масштаба, решающее иные задачи и рождающее иные ассоциации, соперничающее не с постройками деда и прадеда, а с храмом Юстиниана. Перекрытая 18-метровым куполом мечеть в центре асимметричного куллие возле акведука Валента этим задачам не отвечала и в уже в 1546 году была посвящена памяти сына, а Синан получил другой заказ, на «вторую Сулеймание» — и, как легко убедиться, глядя на панораму Константинополя со стороны Золотого Рога, блестяще с ним справился, прибегая к композиции с четырьмя минаретами вокруг центрального купола до следующей «большой османской мечети», связанной уже с царствованием Селима II.

Сулеймание-джами поставила перед мастером новые задачи (рационализация опорной конструкции, композиция нефов, использование огромных люнетов подпружных арок для размещения рядов световых проемов [12, с. 117; 22, р. 351; 27, р. 282]), поэтапно решавшиеся в постройках по частному заказу 1550–1570-х годов (мечети Михримах-султан у Эдирнекапы, Пиале-паша, Зал Махмуд-паша, Кылыч Али-паша); кроме того, ряд построек «позднего этапа» (мечети Рустема-паши в Эминоню, Соколлу Мехмеда-паши в Азаркапы и в Кадырга) выдают ощутимый интерес зодчего к полигональным планам, в полной мере реализованный в последней «большой османской мечети» Синана — Селимие в Эдирне (1569–1574) [25, pp. 19–74].

10 Почти 27-метровый купол Сулеймание-джами поднят на высоту 53 м (против 37 в Шехзаде-джами), а южные минареты — на 76 м (против 55).

11 Сравнение планировки и композиции Сулеймание-джами со Св. Софией имеет давнюю традицию и целый ряд критериев и аргументов; см., например: [11, с. 244–247; 13, с. 349–350; 18, pp. 27–28; 27, pp. 282–284; 28, р. 84; 35, pp. 102–104].

Несмотря на композиционное совершенство, воспроизведение тетраконха полукуполов в «малых» мечетях, построенных в Стамбуле по частному заказу или в провинциальных центрах, после Шехзаде-джами архитектора не привлекало. Новый заказ на более «традиционную» по формам султанскую мечеть (что в контексте стамбульской культовой архитектуры подразумевало ориентацию на образ Айя-Софии) объясняет исчезновение плана-квадрифолия из творчества Синана после 1540-х годов. Новая мечеть Сулеймание затмила свою предшественницу в ряду «больших османских мечетей», причем не только буквально (как масштабный градостроительный объект), но и в переносном смысле — упоминание об «отдании наследнику» собственного султанского мемориала сохранилось только в малоизвестной легенде, а замысел и хронологию возведения Шехзаде-джами приходится реконструировать, отталкиваясь от несоответствий программы и результата и опираясь на архивные документы.

Следует отметить, однако, что идея «первой Сулеймание» как грандиозной султанской мечети с тетраконхом полукуполов и минаретами на углах основного объема, так и не реализованная Синаном, оказалась лишь отложена на шесть десятилетий, до царствования Ахмеда I, потребовав взросления следующего поколения османских зодчих, освобождения еще более значимой в плане «замещения» византийских памятников площадки и несопоставимого по дерзости соседства с Айя-Софией¹².

12 Мечеть Ахмеда I (Султанахмет-джами, Голубая мечеть, 1609–1617) построена учеником Синана Седефкаром Мехмедом Агой на месте Большого императорского дворца в непосредственной близости от Св. Софии (два культовых памятника разделяет лишь небольшая площадь, замкнутая хамамом Хюррем-султан). Диаметр купола мечети — 23,5 м, высота интерьера — 43 м, высота четырех минаретов, фланкирующих зал, — 64 м. Подробнее см.: [4, с. 114; 21, pp. 342–349; 27, pp. 361–365].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М.: Восточная литература, 2001.
2. Иванов С. А. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М.: Вокруг света, 2011.
3. Кононенко Е. И. Анатолийская мечеть XI–XV вв. Очерки истории архитектуры. М.: Прогресс-Традиция, 2017.
4. Кононенко Е. И. «Большая османская мечеть» // Культура Востока. Вып. 3. «Визитные карточки» восточных культур. М.: ГИИ, 2018. С. 92–117.
5. Кононенко Е. И. Роль куллии в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 133–148.
6. Кононенко Е. И. Турецкая мечеть: образ и бренд // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 379–390.
7. Кононенко Е. И. Улу-джами Аксарая: между Османами и Караманом // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. № 8. С. 150–164.
8. Кононенко. Улу-джами: история, особенности, возможности // Исламоведение. 2016. № 2. С. 73–83.
9. Ле Корбюзье. Путешествие на Восток. М.: Стройиздат, 1991.
10. Миллер Ю. А. Искусство Турции. М. — Л.: Искусство, 1965.
11. Стародуб Т. Х. Сокровища исламской архитектуры. М.: Белый город, 2004.
12. Шукуров Ш. М. Византия и Ислам. Преодоление чуждости. Формирование цивилизационных отношений // Искусство Востока. Вып. 3. Сравнительное изучение традиций. М.: ГИИ, 2007. С. 106–122.
13. Шукуров Ш. М. Образ Храма. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
14. Charles M. A. Hagia Sophia and the Great Imperial Mosques // The Art Bulletin. 1930. Vol. 12. № 4. Pp. 320–345.
15. Dark K., Özgümüş F. New Evidence for the Byzantine Church of the Holy Apostles from Fatih Camii, Istanbul // Oxford Journal of Archaeology. 2002. № 21. Pp. 393–413.
16. Dogramaci B. Art History and the Founding of the Modern Turkish State // Art History and Visual Studies in Europe. Transnational Discourses and National Frameworks/Eds. M. Rampley, T. Lenain et al. Leiden–Boston: Brill, 2012.
17. Egli E. Sinan. Ein Baumeister osmanischer Glanzzeit. Erlenbach–Zurich: Verlag für Architektur, 1954.

18. Erişmiş M. C., Gezerman A. O. Architectural Criticism of Süleymaniye Complex in Context of Süleiman and Architect Sinan // *International Journal of Modern Social Sciences*. 2014. Vol. 3. № 1. Pp. 20–41.
19. Erzen J. N. Sinan Ottoman Architect: An Aesthetic Analysis. Ankara: METU, 2004.
20. Freely J. A History of Ottoman Architecture. Southampton–Boston: WIT Press, 2011.
21. Goodwin G. A History of Ottoman Architecture. London: Thames & Hudson, 2003 [1971].
22. Grabar O. The Meanings of Sinan's Architecture // *Grabar O. Constructing the Study of Islamic Art*. Vol. II. Islamic Visual Culture, 1100–1800. Hampshire: Ashgate, 2006.
23. Gurlitt C. Die Baukunst Konstantinopels. Berlin: E. Wasmuth a.g., 1912.
24. Kafescioğlu Ç. Heavenly and Unblessed, Splendid and Artless: Mehmed II's Mosque Complex in Istanbul in the Eyes of Its Contemporaries // *Aptullah Kuran İçin Yazılar. Essays in Honour of Aptullah Kuran*/ Ed. Ç. Kafescioğlu, L. Thys-Şenocak. Istanbul, 1999. Pp. 211–222.
25. Katipoğlu C. An Analysis of architect Sinan's Late period mosques. Ankara: METU, 2007. Pp. 19–74.
26. Kiel M. The Quatrefoil plan in Ottoman Architecture Reconsidered in light of the "Fethiye Mosque" of Athens // *Muqarnas*. 2002. Vol. XIX. Pp. 109–122.
27. Kuban D. Ottoman Architecture. Woodbridge: Antique Collectors Club, 2010 [2007].
28. Kuban D. The Style of Sinan's Domed Structures // *Muqarnas*. 1987. Vol. IV. Pp. 72–97.
29. Kuban D. Süleymaniye and 16th-century Istanbul // *Environmental Design. The Urban Vision. Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre*. Vol. 1–2. 1987. Pp. 62–69.
30. Kuran A. The Mosque in Early Ottoman architecture. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
31. Kuran A. Uskudar'da Mihrimah Sultan Kullîyesi // *Bogazîci Üniversitesi Dergisi. Hımaniter Bilimler*. 1975. D. 3. S. 43–72.
32. Magdalino P. Studies on the History and Topography of Byzantine Constantinople. Farnham: Ashgate, 2007.
33. Morkoç S. B. A Study of Ottoman Narratives on Architecture: Text, Context and Hermeneutics. Adelaide: The University of Adelaide, 2006.

34. Necipoglu G. The Age of Sinan. Architectural Culture in the Ottoman Empire. London: Reaktion Books, 2007.
35. Necipoğlu-Kafadar G. The Süleymaniye Complex in Istanbul: An Interpretation // *Muqarnas*. 1985. Vol. III. Pp. 92–117.
36. Oğuz Z. Multi-functional buildings of the T-type in Ottoman context: A network of identity and territorialization. Ankara: METU, 2006.
37. Özel M. K. An Interpretation of Sinan's Şehzade complex in Istanbul // *The Art of the Islamic World and the Artistic Relationships between Poland and Islamic countries*. Krakow: Mangha, 2011.
38. Özer F. The Complexes built by Sinan // *Environmental Design. The Urban Vision. Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre*. Vol. 1–2. 1987. Pp. 198–205.
39. Öztuna Y. Kanuni Sultan Süleyman. Istanbul: Babıali Kültür Yayınları, 2006.
40. Sağır Y. Vakfiyelerine Ve Belgelere Göre Şehzade Mehmet Vakıfları // *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi*. 2016. C. 9. № 43. S. 921–938.
41. Sakr Y. M. Sinan's Ambivalence. The Triangular Design of the Süleymaniye Schools Complex in Istanbul // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 2014. Vol. 73. №. 3. Pp. 398–416.
42. Sav M., Kuşüzümü K. H. Restorasyon Çalışmaları Çerçevesinde Mihrimah Sultan Camii // *Vakıf Restorasyon Yıllığı*. S. 1: Bölge Müdürlüğü Yayını. İstanbul, 2010. S. 43–53.
43. Sözen M. Sinan: Architect of Ages. Istanbul: The Turkish Ministry of Culture and Tourism, 1988. Pp. 189–195.
44. Schrader F. Konstantinopel in Vergangenheit und Gegenwart. Tübingen: Verlag von T. C. B. Mohr, 1917.
45. Takikawa M. Hagia Sophia and Sinan's Mosques: Structure and Decoration in Süleymaniye Mosque and Selimiye Mosque // *The Second Seijo International Colloquium of Art Studies, Seijo University Graduate School of Literature*, November 4, 2010. Tokyo, 2012. Pp. 103–118.
46. Vogt-Göknil U. Türkische Moscheen. Zurich: Origo Verlag, 1953.